

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 990-997
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.990

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Circumstances of the Formation of the Fourth State Duma as a Factor in the Development of the Political Process

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Konstantin V. Simonov ^a, Viktor V. Titov ^a, Konstantin N. Babichev ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The present study is devoted to assessing the impact of the circumstances of the formation of the State Duma of the IV convocation on the development of the political process in the Russian Empire. The source base for the research was formed by attracting sources of personal origin and unpublished materials stored in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive. The research methodology includes elements of comparative, structural and genetic analysis. The authors come to the conclusion that by the time the elections to the IV State Duma were being prepared, the parliamentary system was already in a state of crisis. The authorities proceeded from the fact that the system of the "October pendulum" had already exhausted its potential and no longer met the current needs of the state. The latter was explained, among other things, by the attempts of the leaders of the Octobrists to go beyond the limit of political subjectivity, designated by the top political leadership. The level of popularity of the Octobrists among their base electorate has also noticeably decreased, primarily due to the abuse of the practice of compromise with the right. At the same time, fellow party members A.I. Guchkov failed to adequately assess the accumulated political risks and abandoned the idea of an alliance with the Cadets and Progressives. The response of the authorities to the indicated crisis was an attempt to form a more manageable Duma, within which it was planned to minimize the presence of the Octobrists. Also, the political leadership of the empire planned to prevent the presence of conditionally "foreign" parties in the parliament. Most likely, it was supposed to manage the process of lawmaking by balancing between the most numerous right and left wings, as well as a high level of fragmentation of the former. However, as a result of the elections, a fairly large number of reform-oriented centrists appeared in the Duma, who over time showed their readiness to block with the left. At the same time, the right-wing parties in the Duma did not acquire a dominant role due to the high degree of disunity, which was superimposed on the government's desire to severely limit their subjectivity. As a result, the government failed to secure a reliable mechanism for governing the Duma, while the forces of the active opposition were left with rather limited opportunities to influence the authorities.

Keywords: State Duma, Parliament, elections, Russian Empire, political process, Octobrists, Cadets, Progressives, Left, Right.

1. Введение

Государственная Дума IV созыва являлась одним из ключевых политических институтов Российской империи в последние годы ее существования. Именно динамика ее взаимоотношений с правительством во многом определила как ход Первой мировой войны, так и развитие революционных процессов в стране.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), VVTitov@fa.ru (V.V. Titov), babichev_ks@mail.ru (K.N. Babichev)

Однако соответствующая проблематика исследуется зачастую вне контекста вопроса о том, как повлияли на специфику функционирования последнего созыва Думы обстоятельства ее формирования, определившие как баланс сил между различными политическими партиями, так и их восприятие друг друга и исполнительной власти. Внимание исследователей концентрируется преимущественно на периоде войны и предшествовавшем ему парламентском кризисе, вследствие чего вопрос о специфике генезиса Думы вытесняется на периферию поля их интересов.

Целью данного исследования является оценка влияния обстоятельств формирования Государственной Думы IV созыва на развитие политического процесса в Российской империи.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования включает в себя два блока. Первый из них формируют материалы, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). В том числе были задействованы материалы из фондов партии кадетов (Партия народной свободы) и Государственной Думы, а также личных фондов А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова и Л.А. Тихомирова. Ко второму блоку относятся мемуары А.В. Бельгарда, М.М. Винавера, В.И. Гурко, Ю.Н. Данилова и ряда иных современников и очевидцев описываемых событий (Бельгард, 2009; Богословский, 2011; Винавер, 1926; Воейков, 1994; Гурко, 2000; Данилов, 2000).

Методологическая основа работы была сформирована путем сочетания нескольких элементов. Во-первых, были применены различные вариации сравнительного анализа, диахронная разновидность которого позволила рассмотреть комплекс выявленных фактов в виде процесса, а синхронная – сопоставить положение и планы ключевых политических акторов на одних и тех же отрезках хронологической шкалы. Во-вторых, использовался структурный анализ, позволивший не только вычлнить основные политические силы, вовлеченные в изучаемые процессы, но и оценить качество и направленность взаимоотношений между ними. В-третьих, применялся генетический анализ: поведение всех политических сил интерпретировалось на основе изучения контекста их происхождения и истории развития в предшествующий период.

3. Обсуждение

В дореволюционный период тема исследовалась по большей части на основе данных публицистики и источников личного происхождения. При этом в силу воздействия политической конъюнктуры и стремления поддержать позитивный имидж той или иной политической силы многие авторы были вынуждены прибегать к самоцензуре. Отличительной чертой исследований, опубликованных в данный период, являлось то, что многие из их авторов являлись непосредственными участниками и бенефициарами описываемых событий (Балашев, 1915; Ельчанинов, 1913; Пасхалов, 1911; Тихомиров, 1912; Щечков, 1912). Как следствие, дореволюционные публикации преимущественно отображали точку зрения лидеров конкретных партий либо групп интересов.

В советский период был существенно увеличен объем источниковой базы изучения заявленной темы. Однако в то же время исследователи были вынуждены выстраивать свои концепции в соответствии с положениями официальной идеологии, которая, в свою очередь, основывалась на незыблемой верности оценок, данных событиям 1911–1912 гг. В.И. Лениным. Также следует отметить, что интерес исследователей концентрировался преимущественно вокруг истории первых трех Дум (Аврех, 1985; Алексеева, 1990; Дякин, 1988; Лаверычев, 1967; Слонимский, 1975; Флоринский, 1988; Черменский, 1976).

В постсоветской историографии стала возможной ревизия темы на основе принципа объективизма (Айрапетов, 2003; Гайда, 2008; Иванов, 2006; Кириянов, 2006; Шацило, 2000; Шелохаев, 1996). Но в то же время начал активно формироваться тренд интерпретации соответствующих событий в преимущественно персоналистском ключе, в силу чего вопрос о воздействии на изучаемые процессы объективных факторов начал исследоваться по остаточному принципу. Также на историографию темы начала оказывать воздействие конъюнктура политики памяти, искусственно ограничивавшей интерпретацию определенных аспектов темы жесткими дискурсивными рамками. Негативное влияние на развитие научной разработанности темы оказывает и то, что исследователей интересует в первую очередь история IV Думы в период Первой мировой войны.

4. Результаты

Накануне выборов в IV Государственную Думу одним из доминирующих настроений в политизированной части российского общества стало ярко выраженное недовольство результатами функционирования предшествующего созыва парламента. В изданиях, близких к кадетской партии (таких как «Русская мысль» и «Русские ведомости»), активно продвигался тезис о том, что III Дума оказала полезное воздействие на общественно-политическую жизнь страны лишь в одном ключе: выступая в качестве института, в рамках взаимодействия с которым правящая элита приучалась к культуре парламентаризма. Особенно часто в числе конкретных претензий к прежнему созыву парламента кадеты предъявляли отказ от проведения земской реформы. Однако основным поводом

для критики в адрес распущенной Думы со стороны лидеров кадетской партии стало то, что механизм «октябристского маятника», в совокупности с личным авторитетом П.А. Столыпина, способствовал падению роли Госдумы как самостоятельного политического института. В рамках системы органов публичной власти начали однозначно доминировать правительство и Государственный совет, что существенным образом демотивировало оппозицию (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 558. Л. 92; Шечков, 1912: 11-12).

Одновременно Дума прежнего созыва подвергалась жесткой критике со стороны правых. Издатель газеты «Гражданин» князь В.П. Мещерский критиковал парламентское большинство за неспособность выдвинуть лидера, способного системным образом выстроить работу законодателей, привязав ее к стратегическим целям, обозначенным правительством и императором. Согласно его мнению, работа Думы в последний год ее работы была выстроена в сугубо конъюнктурном, реактивном ключе. В газете «Московские ведомости» регулярно размещались статьи правых публицистов, обвинявших III Думу в пренебрежительном отношении к интересам предпринимательского сообщества. Редактор издания Л.А. Тихомиров прямо заявлял, что торгово-промышленные съезды в большей степени представляют интересы купцов и фабрикантов, нежели октябристское большинство. Представителей последних Л.А. Тихомиров обозначал как «профессиональных политиканов», утративших связь с теми социальными группами, которые ранее выдвинули их в ходе выборов. Многие члены Русского собрания, включая К.Н. Пасхалова, критиковали III Думу за поддержку реформ П.А. Столыпина, которые, по их мнению, способствовали развитию в России капитализма, а, следовательно, и разложению традиционных моделей общественной и политической организации. При этом критику со стороны публицистов правого толка объединял один момент: предложение полностью ликвидировать Госдуму либо заменить ее законосовещательным органом (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 11-12).

Следует отметить, что эта позиция не нашла поддержки среди членов Государственного совета, несмотря на политические симпатии его членов, инициативы правых были оценены негативно. С одной стороны, их предложения способствовали росту напряженности между Государственным советом и Думой, с другой – предполагали необходимость возложить ответственность за изменения законодательства исключительно на монарха, несмотря на сохраняющийся высокий уровень социальной напряженности и рост внешних угроз (Шепелев, 1987: 121-123).

Необходимость серьезных трансформаций парламентской системы отмечали и авторы лоялистских изданий. Так, М.О. Меньшиков в газете «Новое время» отстаивал необходимость таких мер, как внедрение процедуры лишения депутатов их полномочий, снижение размера окладов парламентариев, установление запрета на допуск в Думу священнослужителей (вероятно, из-за критики духовенством политики октябристов), представителей ряда национальностей и партий, а также ужесточение имущественного ценза (Соловьев, 2011: 84; Шацко, 2000: 77-78).

Важно отметить, что данный проект вскрыл наличие серьезных противоречий во взглядах представителей правящих элит относительно желательного состава будущей Думы. М.О. Меньшиков, как было отмечено, выступал с критикой идеи (приписываемой Святейшему синоду) ввести в состав Думы крупную группу священников и епископов (ее численность, по разным данным, должна была составить от 80 до 350 человек) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 781).

Независимо от того, имелись ли у информации о соответствующих планах реальные основания, дискуссия вокруг нее позволила выявить наличие внутри сообщества лоялистов двух точек зрения относительно будущего Думы. С одной стороны, в качестве приоритетной задачи было обозначено обеспечение управляемости парламента даже в ущерб его легитимности. С другой стороны, часть лоялистов настаивала на том, что новый состав Думы должен предполагать широкое представительство, гарантирующее солидаризацию основных общественных групп (Аврех, 1989: 101; Колюшко, 2009: 54; Селецкий, 1996: 65).

При этом реальные планы правительства относительно состава будущей Думы соответствовали скорее первой позиции: высшее политическое руководство намеревалось обеспечить представительство в Думе около 250 представителей правых партий, приблизительно 50 депутатов от «Союза 17 октября» и 140 левых (под которыми на тот момент было принято подразумевать кадетов и социалистов) (Айрапетов, 2003: 125; Гайда, 2008: 649).

Таким образом, накануне выборов в IV Государственную Думу внутри истеблишмента отсутствовало единство мнений о путях развития парламента, что сочеталось с выраженным недовольством порядком вещей, сложившемся в Думе ранее. При этом правительство интересовало преимущественно вопрос об управляемости парламента. Политическое руководство планировало отказаться от использования механизма «октябристского маятника», сделав ставку на увеличение представительства правых партий, добиться которого власти рассчитывали посредством сложного комплекса мероприятий. Во-первых, планировалось использовать тщательные проверки соответствия цензу уполномоченных-оппозиционеров, лишить избирательных прав часть евреев на основании условного права жительства и обеспечить широкое привлечение к участию в выборах духовенства за счет помощи епархиального начальства. В последнем случае необходимо отметить, что присутствие самих священников среди депутатов власти намеревались сохранить на том же уровне,

что и в рамках Думы предшествующего созыва (Бельгард, 2009: 41; Данилов, 2000: 75; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 793-794).

Во-вторых, была усложнена процедура проведения собраний избирателей. Например, в Санкт-Петербурге их разрешено было проводить лишь в закрытых помещениях. При этом представители полиции получили право распускать собрания в случае организации незаконного сбора средств, разжигания социальной вражды и распространения революционных лозунгов, нежелания «посторонних лиц» покинуть собрание по распоряжению представителя власти или попыток выступавших отклониться от темы выборов (Гайда, 2008: 651; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 798).

В-третьих, произошло ужесточение контроля за СМИ. Должность начальника Главного управления по делам печати занял С.С. Татищев – бывший глава Саратовской губернии, вскоре ставший известным благодаря максимально широкой трактовке нормы законодательства, предусматривавшей ответственность за распространение заведомо ложных слухов, провоцирующих враждебное отношение к правительству (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 801).

Положение дел внутри либеральных партий накануне выборов во многом облегчало правительству задачу по обеспечению желательного представительства.

Партия октябристов находилась в состоянии внутреннего кризиса. Ее лидер А.И. Гучков достаточно болезненно переживал имиджевые последствия дуэли с С.Н. Мясоедовым, компромиссов с представителями правых партий и неудачной кампании против Г.Е. Распутина. Как следствие, лидер октябристов начал крайне небрежно исполнять свои обязанности, что, наряду с отсутствием поддержки со стороны председателя Совета министров В.Н. Коковцова и главы МВД А.А. Макарова, деморализовало многих его однопартийцев (Гурко, 2000: 144; ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. 670. Ч. 2. Л. 131-131об., 144об.).

При этом внутри «Союза 17 октября» сложились завышенные ожидания относительно электоральной поддержки партии, следствием чего стала приостановка обсуждения возможности блока с кадетами. Возможность альянса с прогрессистами кадеты не рассматривали. При этом А.И. Гучков публично обратился к представителям правых партий с предложением о сотрудничестве, что заметно снизило уровень поддержки октябристов среди либерального электората (Воейков, 1994: 52; ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. 670. Ч. 2. Л. 128-128об.).

Аналогичные настроения имели место и внутри партий кадетов и прогрессистов. Показательным в данном плане являлся первый этап выдвижения кандидатов в Москве. Местные лидеры прогрессистов отказались от участия в кампании, считая ее бесперспективной. Тогда партия заключила альянс с кадетами, чтобы обеспечить выдвижение М.М. Новикова и М.В. Челнокова. Но последний в итоге отказался представлять партию на выборах. Нельзя не отметить и то, что партия прогрессистов приняла участие в кампании, не имея предвыборной программы (Винавер, 1926: 119; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 348. Л. 71).

Помимо убежденности в том, что поддержка правительства гарантированно обеспечит победу правых, росту абсентеизма среди либерального и левого электората способствовали обстоятельства проведения кампании. Агитацию нужно было развернуть уже в июле–сентябре, когда значительная часть сторонников кадетов и октябристов мигрировала из крупных городов на дачи. 25 сентября (8 октября) началась Первая Балканская война, после чего внимание общественности переключилось с внутренней повестки на внешнюю. При этом многие из лидеров либералов выступили в поддержку вмешательства России в войну с целью захвата проливов. Однако последнее было связано с возможностью блокады черноморской торговли, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны купечества (Богословский, 2011: 95-96; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 481-483).

По итогам голосования из 5012 выборщиков, представлявших европейские губернии, 65,5 % относились к различным группам правых. Сторонники «Союза 17 октября» заняли чуть более 10 % мест выборщиков, кадеты – 8,4 %, социалисты – 6,5 %, прогрессисты – 5,2 %. Еще 6,8 % выборщиков являлись беспартийными. Необходимо подчеркнуть, что кадеты, прогрессисты и социалисты доминировали в городах, где они получили свыше 65 %. Особенно четко их преобладание проявилось в административных центрах губерний и городах с отдельным представительством. Правые получили больше всего голосов в землевладельческой (54 %) и крестьянской (41,4 %) куриях (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 795).

Октябристы утратили большую часть поддержки во второй городской курии и не смогли получить ни одного места ни в Санкт-Петербурге, ни в Москве. В том числе поражение на выборах потерпел лично А.И. Гучков. Отчасти это объяснялось действиями самих октябристов. Например, в ходе предвыборной кампании в Санкт-Петербурге представители партии сами обратились к избирателям с призывом не голосовать в знак протеста против произвола со стороны властей (под которым понимались попытки привлечь к ответственности кандидатов и сотрудников их штабов за использование карикатур в агитационных материалах, а также эпизоды давления на журналистов и собрания избирателей). Следствием поражения на выборах стало усугубление раскола, возникшего внутри октябристов еще в ходе последней сессии прежнего созыва Думы. В результате партию перестали рассматривать как полноценную политическую силу: среди ее оппонентов возникли ожидания относительно того, что в ходе работы Думы следующего созыва большинство октябристов присоединятся к различным правым партиям, а меньшая часть примкнет к кадетам (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1106. Л. 6).

Отдельно следует отметить, что представители этнических и религиозных меньшинств в массе своей воздержались от поддержки ведущих политических партий. Евреи, немцы, поляки, мусульмане продемонстрировали, что не видят в них выразителей своих интересов (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 1-2; Леонов, 1999: 35).

Распределение мест в новой Думе по итогам выборов обрело следующий вид. 227 мандатов получили представители различных правых партий (из них 64 относились к националистам), 80 достались октябристам, 56 – кадетам, 28 – прогрессистам, 25 – социалистическим партиям, 17 – национальным и религиозным партиям, 5 – беспартийным (цифры приведены в соответствии с данными, опубликованными в номере газеты «Утро России» от 19 октября 1912 г.) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3202. Л. 819).

Соответственно, реальный результат выборов по ряду показателей заметно отличался от «идеальной модели», обозначенной правительством. В Думу прошло меньше правых депутатов (их «дефицит» равнялся 26) и заметно больше октябристов (80 вместо 50). При этом в парламент также прошли 28 прогрессистов и 17 депутатов от этнических и религиозных партий. Представительство кадетов и социалистов ограничилось 81 мандатом вместо 140. Таким образом, состав новой Думы отличался от структуры, обозначенной властью, в первую очередь за счет более широкого представительства ориентированных на реформы центристов и национальных партий.

Представительство правых партий в парламенте увеличилось приблизительно в 5 раз, в то время как октябристы потеряли сразу 56 мест. Однако сами представители правых партий ставили под сомнение их способность к совместной работе. Л.А. Тихомиров скептически отмечал, что вместо создания консолидированной коалиции правые, вероятнее всего, разобьются на множество враждующих фракций (философ прогнозировал появление до 15 конкурирующих групп). Ожидалось, что наиболее влиятельными из них станут группа членов «Союза русского народа» во главе с Н.Е. Марковым и Г.Г. Замысловским и сторонники А.Н. Хвостова. Даже группа депутатов во главе с епископом Кременецким Никоном Бессоновым, объединявшая представителей духовенства, приняла решение о самороспуске: ее представители присоединились к фракциям разных правых партий. Одновременно из Думы ушло большинство политиков, уже имевших опыт работы в парламенте: доля впервые избранных депутатов составляла около 80 % (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 53; Демин, 1996: 92).

Примечательно, что расширение представительства правых в Думе не сопровождалось ростом политического оптимизма с их стороны. Напротив, в правой печати преобладала точка зрения, наиболее ярко выраженная Н.Д. Облеуховым (писавшим под псевдонимом «Ухтубужский»). Согласно данной позиции, члены правительства симпатизировали скорее либералам, а в правых видели почти исключительно рычаг давления на умеренную оппозицию. Это подразумевало, что ни Совет министров, ни Государственный совет не будут на практике поддерживать инициативы правых относительно крупномасштабных преобразований в системе публичной власти (ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 54-54об., 59об.; Иванов, 2006: 23).

5. Заключение

Соответственно, к моменту подготовки выборов в IV Государственную Думу парламентская система уже испытывала очевидный кризис. Ее состояние провоцировало критику как со стороны правых, так и из лагеря левых и либералов. Власти исходили из того, что система «октябристского маятника» исчерпала свой потенциал и уже не отвечает текущим потребностям государства. Последнее объяснялось, в том числе, попытками лидеров октябристов выйти за рамки лимита политической субъектности, обозначенные высшим политическим руководством (наиболее яркими проявлениями чего стали антираспутинская кампания и скандал вокруг обвинений в адрес С.Н. Мясоедова). Уровень популярности октябристов среди их базового электората также заметно снизился, в первую очередь в силу злоупотребления практикой компромиссов с правыми. При этом однопартийцы А.И. Гучкова не сумели адекватно оценить накопившиеся политические риски и отказались от идеи альянса с кадетами и прогрессистами.

Ответом властей на обозначенный кризис стала попытка формирования более управляемой Думы, в рамках которой планировалось минимизировать присутствие октябристов. Также политическое руководство империи планировало не допустить присутствия в парламенте условно «инородческих» партий. Вероятнее всего, управлять процессом законотворчества предполагалось за счет балансировки между наиболее многочисленными правым и левым крылом, а также высокого уровня фрагментации первого.

Чтобы обеспечить необходимый результат, власти прибегли к различным манипуляциям, не нарушавшим, впрочем, напрямую норм действующего законодательства. Однако в городах (в особенности – крупных) эти усилия не принесли желаемых результатов, итогом чего стало появление в Думе достаточно большого числа ориентированных на реформы центристов, со временем проявивших готовность к блокированию с левыми, что впоследствии, вероятно, заметно способствовало формированию межпартийных конференций в марте 1914 г. и созданию Прогрессивного блока в августе 1915 г.

При этом правые партии в Думе не обрели господствующей роли в силу высокой степени разобщенности, налагавшейся на стремление правительства жестко ограничивать их субъектность. Власти намеревались использовать правых в качестве инструмента давления на левых и либералов, в то же время отказываясь рассматривать возможность реализации предлагаемых консерваторами реформ.

В итоге правительство так и не сумело обеспечить себе надежный механизм управления Думой, в то время как у сил активной оппозиции остались достаточно ограниченные возможности воздействия на власти. Как следствие, обновленная структура Думы требовала от основных политических акторов высокого уровня договороспособности и культуры политического компромисса, что существенным образом расходилось с базовыми нормами и установками системы политического управления, сложившейся в рамках взаимодействия правительства с парламентом после 3 июня 1907 г.

Литература

- Аврех, 1985 – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
 Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
 Айрапетов, 2003 – Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003.
 Алексеева, 1990 – Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 гг. Л., 1990.
 Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
 Бельгард, 2009 – Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009.
 Богословский, 2011 – Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011.
 Винавер, 1926 – Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
 Воейков, 1994 – Воейков В.И. С Царем и без Царя. М., 1994.
 Гайда, 2008 – Гайда Ф.А. Бюрократ глазами либерала: российское правительство в восприятии парламентской оппозиции (1911–1917 гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 647-656.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
 Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
 Данилов, 2000 – Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М., 2000.
 Демин, 1996 – Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996.
 Дякин, 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.
 Ельчанинов, 1913 – Ельчанинов А.Г. Царствование Государя Императора Николая Александровича. СПб.-М., 1913.
 Иванов, 2006 – Иванов А.А. Последние защитники монархии: Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб., 2006.
 Кирьянов, 2006 – Кирьянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
 Кольшко, 2009 – Кольшко И.И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009.
 Лаверычев, 1967 – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
 Леонов, 1999 – Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 29-48.
 Пасхалов, 1911 – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Слонимский, 1975 – Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975.
 Соловьев, 2011 – Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России. Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.
 Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России (статьи 1909, 10, 11 гг.). М., 1912.
 Флоринский, 1988 – Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988.
 Черменский, 1976 – Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
 Шаццо, 2000 – Шаццо К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
 Шелохаев, 1996 – Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 130-137.
 Шепелев, 1987 – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

Шечков, 1912 – Шечков Г. Очевидные недостатки Государственной думы третьего созыва и неотложность их устранения. Харьков, 1912.

References

- Airapetov, 2003 – Airapetov, O.R. (2003). Generaly, liberaly i predprinimateli: rabota na front i revolyutsiyu (1907–1917) [Generals, Liberals and Entrepreneurs: Working for the Front and the Revolution (1907–1917)]. M. [in Russian]
- Alekseeva, 1990 – Alekseeva, I.V. (1990). Agoniya Serdechnogo soglasiya: tsarizm, burzhuaziya i ikh soyuzniki po Antante. 1914–1917 gg. [The agony of cordial consent: tsarism, the bourgeoisie and their allies in the Entente] L. [in Russian]
- Avrekh, 1985 – Avrekh, A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
- Avrekh, 1989 – Avrekh, A.Ya. (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [Tsarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
- Balashov, 1915 – Balashov, I.P. (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg., 1915. [in Russian]
- Bel'gard, 2009 – Bel'gard, A.V. (2009). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Bogoslovskii, 2011 – Bogoslovskii, M.M. (2011). Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Diaries (1913–1919): From the collection of the State Historical Museum]. M. [in Russian]
- Chermenskii, 1976 – Chermenskii, E.D. (1976). IV Gosudarstvennaya дума i sverzhenie tsarizma v Rossii [Chermensky E.D. IV State Duma and the overthrow of tsarism in Russia]. M. [in Russian]
- Danilov, 2000 – Danilov, Yu.N. (2000). Na puti k krusheniyu [On the way to collapse]. M. [in Russian]
- Demin, 1996 – Demin, V.A. (1996). Gosudarstvennaya дума Rossii (1906–1917): mekhanizm funktsionirovaniya [State Duma of Russia (1906–1917): mechanism of functioning]. M. [in Russian]
- Dyakin, 1988 – Dyakin, V.S. (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914 Decomposition of the June 3 system]. L. [in Russian]
- El'chaninov, 1913 – El'chaninov, A.G. (1913). Tsarstvovanie Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha [Reign of Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich]. SPb. M. [in Russian]
- Florinskii, 1988 – Florinskii, M.F. (1988). Krizis gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The crisis of public administration in Russia during the First World War]. L. [in Russian]
- Gaida, 2008 – Gaida, F.A. (2008). Byurokrat glazami liberala: rossiiskoe pravitel'stvo v vospriyatii parlamentskoi oppozitsii (1911–1917 gg.) [Bureaucrat through the Eyes of a Liberal: The Russian Government as Perceived by the Parliamentary Opposition (1911–1917)]. Petr Andreevich Zaionchkovskii. Sbornik statei i vospominanii k stoletiyu istorika. M. Pp. 647–656. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gurko, 2000 – Gurko, V.I. (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Ivanov, 2006 – Ivanov, A.A. (2006). Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiya pravyykh IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voyny (1914 – fevral' 1917 g.) [The Last Defenders of the Monarchy: The Right Faction of the IV State Duma during the First World War (1914 – February 1917)]. SPb. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006 – Kir'yanov, I.K. (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Kolyshko, 2009 – Kolyshko, I.I. (2009). Velikii raspad: Vospominaniya [The Great Decay: A Memoir]. SPb. [in Russian]
- Laverychev, 1967 – Laverychev, V.Ya. (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Leonov, 1999 – Leonov, S.V. (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets KhIKh v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century - 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29–48. [in Russian]
- Milyukov, 1916 – Milyukov, P.N. (1916). Taktika fraktsii Narodnoi svobody vo vremena voyny [Tactics of the People's Freedom faction during the war]. Pg. [in Russian]
- Paskhalov, 1911 – Paskhalov, K. (1911). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Seletskii, 1996 – Seletskii, V.N. (1996). Progressizm kak politicheskaya partiya i ideinoe napravlenie v rusском liberalizme [Progressism as a political party and an ideological direction in Russian liberalism]. M. [in Russian]

- [Shatsilo, 2000](#) – *Shatsillo, K.F.* (2000). Ot Portsmutskogo mira k Pervoi mirovoi voine. Generaly i politika [From the Peace of Portsmouth to the First World War. Generals and Politics]. M. [in Russian]
- [Shechkov, 1912](#) – *Shechkov, G.* (1912). Ochevidnye nedostatki Gosudarstvennoi dumy tret'ego sozyva i neotlozhnost' ikh ustraneniya [Obvious shortcomings of the State Duma of the third convocation and the urgency of their elimination]. Khar'kov. [in Russian]
- [Shelokhaev, 1996](#) – *Shelokhaev, V.V.* (1996). Liberaly i massy v gody Pervoi mirovoi voyny [Liberals and masses during the First World War]. *Voprosy istorii*. 7: 130-137. [in Russian]
- [Shepelev, 1987](#) – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- [Slonimskii, 1975](#) – *Slonimskii, A.G.* (1975). Katastrofa russkogo liberalizma. Progressivnyi blok nakanune i vo vremya Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda [The catastrophe of Russian liberalism. The Progressive Bloc on the Eve and During the February Revolution of 1917]. Dushanbe. [in Russian]
- [Solov'ev, 2011](#) – *Solov'ev, K.A.* (2011). Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii. Mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914) [Legislative and executive power in Russia. Mechanisms of Interaction (1906–1914)]. M. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1912](#) – *Tikhomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoi Rossii (stat'i 1909, 10, 11 gg.) [Toward the Reform of a Renewed Russia (Articles 1909, 10, 11)]. M. [in Russian]
- [Vinaver, 1926](#) – *Vinaver, M.M.* (1926). Nedavnee. Vospominaniya i kharakteristiki [Recent. Memories and characteristics]. Parizh. [in Russian]
- [Voeikov, 1994](#) – *Voeikov, V.I.* (1994). S Tsarem i bez Tsarya [With the King and without the King]. M. [in Russian]

Обстоятельства формирования четвертой Государственной Думы как фактор развития политического процесса

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Константин Васильевич Симонов ^a, Виктор Валериевич Титов ^a, Константин Николаевич Бабичев ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^b Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Представленное исследование посвящено оценке влияния обстоятельств формирования Государственной Думы IV созыва на развитие политического процесса в Российской империи. Источниковая база для проведения изысканий была сформирована путем привлечения источников личного происхождения и неопубликованных материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Методология исследования включает в себя элементы сравнительного, структурного и генетического анализа. Авторы приходят к выводу, что к моменту подготовки выборов в IV Государственную Думу парламентская система уже находилась в состоянии кризиса. Власти исходили из того, что система «октябристского маятника» исчерпала свой потенциал и уже не отвечает текущим потребностям государства. Последнее объяснялось, в том числе, попытками лидеров октябристов выйти за рамки лимита политической субъектности, обозначенные высшим политическим руководством. Уровень популярности октябристов среди их базового электората также заметно снизился, в первую очередь в силу злоупотребления практикой компромиссов с правыми. При этом однопартийцы А.И. Гучкова не сумели адекватно оценить накопившиеся политические риски и отказались от идеи альянса с кадетами и прогрессистами. Ответом властей на обозначенный кризис стала попытка формирования более управляемой Думы, в рамках которой планировалось минимизировать присутствие октябристов. Также политическое руководство империи планировало не допустить присутствия в парламенте условно «инородческих» партий. Вероятнее всего, управлять процессом законотворчества предполагалось за счет балансировки между наиболее многочисленными правым и левым крылом, а также высокого уровня фрагментации первого. Однако по итогам выборов в Думе появилось достаточно большое количество ориентированных на реформы центристов, со временем проявивших готовность к блокированию с левыми. При этом правые партии в Думе не обрели господствующей роли в силу высокой степени разобщенности, налагавшейся на стремление правительства жестко ограничивать их субъектность. В итоге правительство так и не сумело обеспечить себе надежный механизм управления Думой, в то время как у сил активной оппозиции остались достаточно ограниченные возможности воздействия на власти.

Ключевые слова: Государственная Дума, парламент, выборы, Российская империя, политический процесс, октябристы, кадеты, прогрессисты, левые, правые.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), VVTitov@fa.ru (В.В. Титов), babichev_ks@mail.ru (К.Н. Бабичев)